

ПО МОТИВАМ РОССИЙСКОГО КОСМИЧЕСКОГО БЛОКБАСТЕРА

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

ГРАНД МАСТЕР

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ БЕЗГРАНИЧНОГО МУЖЕСТВА

Премьера отечественного блокбастера

Валерий Рощин

Время первых

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рощин В. Г.

Время первых / В. Г. Рощин — «Эксмо», 2017 — (Премьера
отечественного блокбастера)

ISBN 978-5-699-96287-7

Две сверхдержавы, СССР и США, бьются за первенство в космической гонке. Пока СССР впереди, на очереди – выход человека в открытый космос. За две недели до старта взрывается тестовый корабль. Времени на выявление причин нет. И пусть риски огромны, космонавты должны лететь. Опытный военный летчик Павел Беляев и его напарник Алексей Леонов, необстрелянный и горячий, мечтающий о подвиге, – два человека, готовые шагнуть в бездну. Но никто не мог даже предположить, с чем им предстоит столкнуться в полете. В этой миссии все пошло не так... Настоящая история безграничного мужества!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96287-7

© Рощин В. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	21
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Рошин

Время первых

Авторы сценария О. Погодин, Ю. Коротков, С. Калужанов, И. Пивоварова, Д. Пинчуков
ООО «Студия Третий Рим», ООО «ТаББаК»
ООО «Диджитал», кинофильм, сценарий, 2017

© ООО «Диджитал», кинофильм, сценарий, 2017

© Рошин В., 2017

© Авторы сценария О. Погодин, Ю. Коротков, С. Калужанов, И. Пивоварова, Д. Пинчу-
ков

© ООО «Студия Третий Рим», ООО «ТаББаК».

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

*Советский Союз; Украина;
аэродром 10-й Гвардейской дивизии
69-й Воздушной армии.
Лето 1959 года.*

Маленький Алексей быстро бежал по бескрайнему полю. Над головой синело безоблачное небо, а вокруг цвело жаркое солнечное лето: по кустам щебетали птицы, в траве стрекотали кузнечики, а на ближайшей к полю опушке шелестела листва молодых берез.

Внезапно – на склоне неглубокого овражка – Леша поскользнулся на скошенной траве и, вскрикнув, покатился вниз.

Докатившись до дна, замер, съжившись, закрыв глаза и вцепившись ручонками в колосья.

Он дрожал и был очень напуган. Все звуки, ранее окружавшие его, куда-то исчезли. Наступила тишина.

Алексей открыл глаза и осторожно поднял голову. Вокруг почему-то было темно, а слева и справа загорались крохотные огоньки. словно мириады светлячков вылетали из травы и уносились высоко в черное небо.

Перестав дышать, он завороченно любовался этой сказочной картиной. Затем разжал ладони, оттолкнулся. И в ту же секунду ощутил, как лишенное веса тело парит над землей.

Душу переполнял восторг, смешанный с испугом и новизной ощущений.

Он медленно перевернулся, обратившись лицом к небу. И улыбнулся: вместе с ним над землей парили миллионы светлячков...

– Ноль Двенадцатый, я – Маяк! Ноль Двенадцатый, ответь!..

В далекие картинки из детства стал прорываться гул. Вскоре этот звук превратился в рев реактивного двигателя.

Алексей открыл глаза.

Первое, что он увидел, – знакомый изогнутый переплет остекления истребителя «МиГ-15» с заваленным горизонтом; под остеклением чернела и подмигивала бликами приборная доска: высотомер, авиагоризонт, вариометр, радиокompас... Правая ладонь крепко сжимала ручку управления.

«Кажется, я на несколько секунд потерял сознание, – подумал он, выравнивая самолет. – Немудрено от таких перегрузок...»

Из наушников шлемофона доносился требовательный голос командира части, руководившего полетами.

– Ноль Двенадцатый! Я – Маяк. Ноль Двенадцатый, почему молчишь?!

Алексей выровнял машину, дал вперед левую ногу и, повернув голову вправо, посмотрел назад.

За самолетом тянулся дымный след. А на левом боковом щитке тревожно моргала сигнальная лампа «Пожар».

– Ноль Двенадцатый – на связи, – нажав на кнопку «радио», как можно спокойнее ответил он.

– Почему не отвечал? – в голосе командира прозвучало раздражение.

– Пожар в двигателе. Задействую противопожарную систему.

– Ноль Двенадцатый, отставить пожаротушение – двигатель потом не запустишь! Бери курс на безлюдную местность, снижайся до тысячи метров и катапультируйся. Как понял?

Леонов посмотрел на приборную доску. Давление в гидросистеме упало до минимального значения. Электрика не работала, часть приборов отказала.

Толкнув ручку от себя, пилот заставил машину начать снижение.

– Вас понял, Маяк, – ответил он. – Снижаюсь...

Продолжая экстренное снижение, истребитель дважды сменил курс и наконец приблизился к безлюдной зоне – впереди и внизу под самолетом пилот не увидел ни городов, ни поселков.

«Самое время», – подумал он.

Убрав ноги с педалей, Алексей взялся ладонью за красную рукоятку и попытался привести в действие катапультируемое кресло.

Но ничего не произошло. Пиропатроны не сработали, фонарь не отстрелился, а кресло осталось на месте.

«Чека! Вероятно, техник забыл выдернуть предохранительную чеку», – пронеслось в голове летчика.

И пока он раздумывал над планом дальнейших действий, из наушников доносился настойчивый голос руководителя полетов:

– Ноль Двенадцатый, почему не прыгаешь? Ноль Двенадцатый!..

* * *

Техник-стажер Маркелов стоял между технических домиков и, поглядывая в небо, нервно затягивался табачным дымком, приканчивая вторую подряд папиросу.

В это время по тропинке от КДП быстрым шагом приближался один из летчиков эскадрильи. Узнав молодого техника, он свернул с тропинки и, подойдя вплотную, спросил:

– Маркелов, ты машину готовил?

Но тот, торопливо облизнув губы, по-прежнему пытался что-то рассмотреть в небе.

– Маркелов, оглох, что ли?! – повысил голос летчик.

– Что?.. – растерянно оглянулся тот.

И только теперь увидел стоящего рядом офицера.

– Ты чеку с катапульты снял? – вперил в него тот грозный взгляд.

* * *

Сгруппировавшись, Алексей еще несколько раз попытался привести в действие катапульту.

Безрезультатно. Либо вышла из строя система приведения в действие пиропатронов, либо технический состав забыл снять предохранительную чеку.

– Ноль Двенадцатый, ответь Маяку! – донимал командир. – Ноль Двенадцатый!..

Стрелка высотомера упрямо ползла вниз. Поняв, что покинуть аварийный борт не получится, летчик развернул машину в сторону аэродрома.

В какой-то момент полковник не выдержал и, позабыв инструкции, перешел на открытый текст:

– Леонов! Ты слышишь меня, Леонов?! Какого черта у тебя там происходит?!

Тому было не до радиообмена. Его взгляд рыскал по поверхности земли в поисках взлетно-посадочной полосы.

– Леонов, почему молчишь?! Приказываю: прыгай! Слышишь?! Приказываю...

Летчик не дал командиру договорить, выключив приемо-передающую станцию. ВПП аэродрома находилась точно по курсу, но скорость для посадки была слишком велика.

Он убрал РУД до минимального значения, перекрыл краном подачу топлива и, откинув красный колпачок, нажал на кнопку системы пожаротушения.

Гул турбины стал стихать, а из специального баллона в двигатель под большим давлением начал поступать огнегасящий состав. Шлейф из черного дыма, растянувшийся за самолетом на многие километры, сменился белесой полоской.

Теперь все внимание Алексея было приковано к приборам. Обороты турбины почти достигли нуля, скорость и высота падали.

Отдав ручку управления от себя, он предотвратил сваливание, но при этом самолет стремительно терял последний запас высоты.

* * *

– Черт, кажется, он остановил двигатель! – в сердцах бросил микрофон командир части. – Ну что за разгильдяй, ей-богу?! Все делает по-своему!

– Может, продувает после пожара? – предположил кто-то из присутствующих.

В этот момент с балкончика, окружавшего периметр вышки, вернулся помощник руководителя полетов.

– Там кортеж какой-то подъезжает, – робко проинформировал он.

– Какой еще кортеж?! – раздраженно процедил командир.

ПРП решил больше не беспокоить руководителя не относящейся к полетам информацией и тихо сел на свое место.

* * *

От гарнизона к аэродрому ехал кортеж из черной «Волги» и двух сопровождавших «газиков». Сидевший рядом с водителем «Волги» генерал Каманин заметил резко снижавшийся «МиГ-15».

– А ну-ка помедленней, – опуская стекло своей дверцы, приказал он водителю.

Несмотря на поднявшийся шлагбаум, колонна автомобилей сбавила скорость.

Высунув голову, генерал несколько секунд наблюдал за эволюциями бесшумно летящего истребителя.

Затем крикнул:

– Езжай прямо к полосе!

Оставив позади машины сопровождения, черная «Волга» рванула к ближайшей рулежной дорожке...

* * *

Скорость полета восстановилась и стала расти. А вот высота по-прежнему уменьшалась. Не помогли даже выпущенные закрылки.

Внизу под самолетом промелькнуло строение дальнего привода. До начала взлетно-посадочной полосы оставалось три километра, но Алексей понимал: с неработающим двигателем до нее не дотянуть.

Нащупав большим пальцем левой ладони кнопку запуска, он нажал на нее. Двигатель натужно погудел, но запуска не произошло.

Поверхность земли приближалась с угрожающей скоростью. Под брюхом истребителя проносились ровные ряды кукурузы, которой было засажено огромное поле по соседству с военным аэродромом.

Леонов вторично вдавил кнопку запуска и одновременно потянул на себя ручку управления, стараясь оттянуть момент встречи с землей.

Движок снова издал неприятный звук. И вдруг ожил: из сопла сыпанули искры, а следом появилась ровная струя раскаленных газов.

– Давай, родной, давай!.. – пробормотал пилот, подбирая на себя ручку.

С каждым последующим мгновением истребитель становился послушнее. Его крутое снижение удалось выровнять в последний момент, когда фюзеляж прошелестел по верхушкам кукурузных початков.

Убедившись в том, что самолет слушается рулей, летчик выпустил шасси. Колеса вышли и встали на замки, о чем сигнализировали три зеленые лампы на приборной доске.

Оставляя за собой след из поднятых в воздух листьев и початков, небольшой истребитель преодолел последние пятьсот метров и плюхнулся на бетон.

Скорость была выше рекомендованной, поэтому самолет пару раз подпрыгнул. Удерживая педалями направление, Алексей приступил к торможению.

* * *

– Это еще кто? – недовольно спросил командир, заметив неподалеку от ВПП черную «Волгу».

– Кorteж приехал – я же вам докладывал, – напомнил сидящий рядом помощник.

– А почему он возле взлетной полосы?..

В этот момент на верхний этаж КДП ворвался взволнованный заместитель.

– Командир, комиссия пожаловала!

– Комиссия?.. А кто именно?

– Сам генерал Каманин.

Подтянув ослабленный узел галстука, командир поморщился:

– Как же он не вовремя...

* * *

Из-под заторможенных колес истребителя валил черный дым.

От прыжков и юза по полосе Леонова нещадно мотало в пилотском кресле. Спасали привязные ремни.

Скорость на середине ВПП оставалась довольно большой, и пилот опасался, как бы самолет не вылетел за ее пределы. Но вновь помогло чудо: истребитель остановился буквально на последней плите.

Резина колес дымилась, на передней стойке застрял слегка запеченный кукурузный початок.

Освободив лицо от маски, Алексей вдохнул полной грудью. Затем расстегнул привязные ремни и подвесную систему парашюта, сдвинул назад фонарь и, приподнявшись над креслом, с трудом дотянулся до наземного предохранительного механизма.

Так и есть – чека торчала на месте, лишая пилота возможности привести катапульту в действие.

Выдернув ее, Леонов посмотрел на красный «брелок» с четкой и довольно большой надписью «Снять перед полетом».

– Эх, Маркелов... – пробормотал он, пряча в карман улику. – Лоботряс...

* * *

«Газик» командира части настиг черную «Волгу», когда та тормознула метрах в ста от стоящего на краю бетонной полосы истребителя.

– Товарищ генерал-лейтенант, командир двести девяносто четвертого разведывательного... – начал он бойко докладывать вышедшему из машины Каманину.

Но тот отмахнулся и сердито спросил:

– Что это вы тут устроили?

Полковник лихорадочно формулировал в голове внятный доклад.

– Я вас спрашиваю! – настаивал генерал. – Что за цирковое представление с дымовыми эффектами?..

* * *

Покинув кабину, Леонов сделал несколько шагов по бетону. Ватные после перенапряжения ноги слушались плохо. Хотелось присесть и, закрыв глаза, полностью расслабиться.

Но позади слышались торопливые шаги.

Он обернулся. По полю со всех ног бежал техник-стажер Маркелов. Взмыленный. Испуганный.

– Леха, цел? – подскочив к летчику, взволнованно спросил он.

Тот кивнул.

– Ты чего не прыгнул? Мы тут все чуть не поседели!..

Леонов поднял руку и разжал кулак. На ладони лежала чека с красным «брелком».

Проглотив вставший в горле ком, стажер сдавленно прошептал:

– Господи... Меня ж теперь под суд...

– Возьми. И спрячь, – сунул чеку в его руку Алексей.

– Чего?.. А как... А что ты скажешь, Леха?.. – лепетал тот, пряча чеку в карман.

– Ну, чего-чего... Скажу, что спасал дорогостоящую советскую технику...

К самолету с воем сирены подкатила пожарная машина. Рядом с ней остановился грузовичок технической службы.

Хлопнув Маркелова по плечу, Леонов побрел навстречу бежавшим к нему сослуживцам: летчикам, врачам, техникам...

– Леха, ну ты красавец! – поздравлял с удачной посадкой один.

– Вся эскадрилья смотрела, как ты садился. Молоток!.. – вторил ему другой.

* * *

– Техника, товарищ генерал, старая. Вот двигатель и сдох, – семенил рядом с начальством командир части. – Но мы разберемся и накажем виновных в отказе.

Остановившись у края бетонной полосы, Каманин пристально рассматривал невысокого летчика, окруженного сослуживцами. Те громко обсуждали посадку, поздравляли, хлопали его по спине...

– Кто пилот? – спросил генерал.

– Лейтенант Леонов. С ним у меня будет отдельный разговор.

– Он давал для этого повод?

– В принципе, нет, – замялся полковник. – Но не сумасшедший ли?! Выключил в полете двигатель, потом едва успел запустить!

– Давай-ка его ко мне.

– Есть.

Каманин чему-то усмехнулся и, направляясь к черной «Волге», тихо сказал:

– Нам как раз нужны такие сумасшедшие...

Глава первая

СССР; Московская область.

1964 год.

Алексей Леонов родился тридцатого мая 1934 года в маленькой деревеньке Листвянка, затерявшейся на просторах Западной Сибири, на шестьсот верст севернее города Кемерово. Алексей стал в семье девятым ребенком.

Задолго до рождения Леши в эту глубинку царское правительство сослало его деда, причастного к революционным событиям 1905 года. Затем уж сюда перебрались и его будущие родители. Мама – Евдокия Минаевна – поступила на службу деревенской учительницей; папа – Леонов Архип Алексеевич – вначале работал зоотехником, позже стал председателем сельского совета.

Будущие родители Алексея познакомились в церкви и полюбили друг друга с первого взгляда, но сразу создать семью не получалось – пришлось отстаивать свои чувства. Обе родни воспротивились выбору своих детей. Родня по отцовской линии заявляла: «Евдокия хоть и умна – на одни пятерки церковноприходскую школу закончила, да не красавица. К тому же из бедной семьи». Родня по материнской линии не оставалась в долгу: «Архип – слишком красив, голосист и хорошо пляшет; все на него заглядываются. Нет на такого надежи. А семья слишком богата». Но Евдокия твердо заявила: «Или пойду под венец за Архипочку, или отправлюсь в монастырь!»

Так и поженились. Причем первыми сдались и приняли молодых к себе жить родители Евдокии. Любовь молодых была настолько сильной, а брак настолько удачным, что отец Евдокии – дед Минай – потом не раз говаривал своим внукам: «Я Архипа усыновил, отличный у меня сын – Архипушка...»

И вроде бы все складывалось хорошо – семья росла, обживалась на новом месте в Листвянке. Отец работал от зари до зари, построил добротный дом, наладил хозяйство, поставил на ноги восьмерых детей. Когда создавался колхоз, первым привел на центральную усадьбу всех своих лошадей, коров, свиней и овец. Он искренне верил в звучащие тогда лозунги и по-другому поступить не мог.

А в тридцать шестом на главу семейства написали донос.

На время уборки его назначили заведующим зерносушилкой. Погода была сырой – постоянно лили дожди; Архип Алексеевич пропадал на сушилке сутками. И тут прибегают односельчане: самая лучшая в колхозе корова не может отелиться, издыхает. Архип заметался – зерно не бросить и корову надо бы спасти. Подчиненные уговорили: «Мы за тебя подежурим, а ты беги в коровник...»

Корову и теленка Архип Алексеевич спас. А вот зерно его подопечные слегка пересушили. И хоть все оно было принято на элеватор, наверх ушел донос. Сыграл в этой ситуации свою роль и другой примечательный случай. Будучи талантливым зоотехником, Леонов-старший специально для жесткого климата Сибири вывел прекрасного жеребца, которым очень гордился. А председатель, чтобы угостить приехавшего к нему родственника кониной, пустил этого коня под нож. Узнав об этом, Архип Алексеевич схватил топор и побежал разбираться. До кровопролития дело не дошло, но председатель затаил обиду и при первом же удобном случае решил расправиться с неудобным подчиненным.

Как тогда водилось, скорый суд, состоявшийся из-за пересушенного зерна, вынес стандартный приговор – «вредительство», от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества. И новоявленный «враг народа» отправился в сибирский лагерь. А Евдокия Минаевна с восьмью детьми на руках лишилась всего, включая крышу над головой. Отобрали даже детскую одежду.

Старшая дочь к тому времени вышла замуж за простого паренька из Могилева и жила с ним в комнатке в одном из кемеровских барачков. Узнав о горе в семье супруги, паренек в тридцатиградусный мороз примчался в село на розвальнях, забрал Евдокию Минаевну с детьми и перевез к себе.

Зятю было всего двадцать два; днем работал на стройке, вечерами учился в техникуме. И не побоялся приютить у себя семью врага народа...

* * *

Вытянувшись по стойке «смирно», Леонов и Беляев стояли у каркаса космического корабля «Восход-2».

Помимо будущих космонавтов в огромном цеху, где производилась сборка корабля, присутствовал Сергей Павлович Королев и несколько его ближайших помощников. Помощники стояли чуть поодаль – у огромного стола со стопкой чертежей. Главный конструктор, заложив руки за спину, прохаживался рядом с космонавтами.

– ...Мы приступаем к подготовке и реализации программы «Выход». Задание непростое и сопряжено со смертельным риском, – остановившись, сказал он и внимательно посмотрел на молодых мужчин.

Для всех, кто так или иначе был связан с космонавтикой, Сергей Павлович Королев являлся живой легендой. После стартов первых космонавтов он заметно изменился: тише и короче стали его разности, он чаще прощал ошибки и внимательнее прислушивался к чужому мнению, больше советовался с коллегами. Он сделался мягче, добрее, спокойнее.

Но более всего коллег удивляла его работоспособность. Он никогда не делал различия между выходными, праздниками и буднями. Каждый день для него был рабочим, а праздники даже раздражали. Поговаривали, что родилось это раздражение Первого мая 1953 года, когда Королеву помешали продолжить испытания ракеты «Р-5». Похожие ситуации часто случались и на Байконуре. Четко выверенный старт «Луны-4» требовал заправки ракеты тридцать первого декабря 1962 года, Сергей Павлович искренне не понимал, когда его спрашивали: «Неужели вы заставите нас работать в предновогоднюю ночь?» В ответ он с раздражением возмущался: «Какая разница?!» Его присутствия вовсе не требовалось, но Главный не покидал стартовую площадку и встретил Новый год с рабочими бригадами инженеров и специалистов. Вероятно, находиться там ему было интереснее, чем восседать за праздничным столом с генералами и чиновниками...

Остановившись перед космонавтами, он посмотрел им в глаза и сказал:

– Если у вас есть малейшие сомнения – говорите.

Беляев едва заметно пожал плечами.

А Леонов прямо спросил:

– Когда летим?

* * *

Подготовка к полету «Восхода-2» началась задолго до весны 1965 года. Беляев с Леоновым частенько бывали в ОКБ № 1, где изготавливались космические корабли. Однажды на проходивших там занятиях к ним подошел Сергей Павлович Королев. Он провел космонавтов в отдельный закрытый цех и показал им макет корабля «Восход», снабженный какой-то странной камерой, прилепленной сбоку.

– Это шлюз для выхода в космическое пространство, – пояснил он, заметив недоумение молодых людей, и предложил им примерить новые скафандры.

Дождавшись, когда они наденут их и немного привыкнут к тяжелой неудобной «одежке», Главный конструктор попросил Леонова попытаться выполнить эксперимент по выходу из шлюза на Земле.

Тот попытался и около двух часов потратил на выход и вход в шлюзовую камеру.

– Ну, как? – спросил Королев, когда Алексей вытер пот и отдышался.

– Справиться с задачей можно и быстрее, только надо все хорошо продумать, – ответил тот.

– Что ж, начинайте работать, – кивнул Сергей Павлович. И в шутку добавил: – Но уговор: все продумайте от начала до конца и, если в ходе следующего эксперимента что-либо пойдет не так – на глаза мне лучше не попадайтесь...

По сути, к полету на «Восходе-2» Беляев и Леонов начали готовиться с момента прибытия в Звездный городок. Подготовка шла одновременно со строительством корабля и созданием предназначенных для него модернизированных и совершенно новых систем. Изучая его конструкцию, будущие космонавты порой совместно с инженерами и конструкторами решали сложные технические задачи.

«Восход-2» был построен как пилотируемый двухместный аппарат, предназначенный для выхода одного космонавта из корабля в космическое пространство с помощью шлюзовой камеры.

Корабль состоял из герметичной кабины для экипажа с аппаратурой регулировки жизнедеятельности, с запасами пищи и воды, со средствами контроля и управления бортовыми системами.

В приборном отсеке размещалось радиооборудование, жидкостная тормозная двигательная установка, аппаратура управления, системы терморегулирования, источники электропитания.

Сбоку к кораблю крепилась шлюзовая камера для выхода через нее человека в безвоздушное пространство и возвращения в обитаемый отсек.

После завершения программы полета гермокабина вместе с размещенным в ней экипажем и оборудованием должна была возвратиться на Землю. Перед этим приборный отсек отделялся и сгорал в плотных слоях атмосферы.

Герметичная кабина имела люк, через который экипаж мог покинуть ее на Земле, и пару иллюминаторов, предназначенных для визуального наблюдения, кино- и фотосъемки.

Для предохранения от воздействия высоких температур на участке спуска кабина имела специальную теплоизоляцию, люки – надежную герметизацию, а иллюминаторы снабжались жаропрочными стеклами.

Управление люками шлюзовой камеры осуществлял командир корабля с пульта, установленного в кабине.

* * *

Едва улеглось эхо Второй мировой войны, как между ведущими державами стартовала новая война – холодная. К концу сороковых годов Соединенные Штаты обладали самым большим флотом стратегических бомбардировщиков, размещенных на многочисленных авиационных базах. Эти самолеты могли в считанные часы доставить к нашим крупнейшим городам мощнейшее на тот момент атомное оружие. Советское руководство в качестве ответной меры приняло решение развивать ракетную технику.

Решение было стратегически верным.

Во-первых, космические технологии могли использоваться не только в военных, но и в мирных целях.

Во-вторых, успешное освоение космоса стало бы весомым аргументом в пропаганде и в идеологическом противостоянии, в полной мере демонстрируя потенциал Советского Союза и его военную мощь.

В итоге четвертого октября 1957 года Советским Союзом был запущен первый искусственный спутник Земли. Для Соединенных Штатов, считавших себя самым технологически развитым государством, известие об этом прозвучало громом среди ясного неба, что подтолкнуло администрацию Эйзенхауэра к ответным действиям. С тех пор эту дату принято считать стартом космической гонки.

В ее начале американцев мучил один немаловажный вопрос: на земле и в океанах существовала строго определенная граница, но как обозначить границу в космосе? Если первый американский зонд (а в том, что первый зонд будет именно американским, они не сомневались) окажется над территорией СССР, то не приведет ли это к новой войне? И потому Эйзенхауэр стал рьяно отстаивать «свободу космического пространства». Согласно его меморандуму, свободным космосом являлось все, что находилось выше ста километров над уровнем моря.

Руководство СССР считало, что граница должна находиться существенно выше, но тем не менее подписало данное соглашение.

Радость американцев от этой маленькой победы была недолгой и сменилась жутким огорчением в октябре 57-го. Это был первый победный ход Страны Советов.

Менее чем через месяц был сделан второй ход – в космос стартовал «Спутник-2» с живым пассажиром на борту – собакой Лайкой.

Американцы смогли ответить лишь первого февраля 1958 года, когда после нескольких неудачных попыток ими был отправлен в космос искусственный спутник «Эксплорер-1».

Но уже следующим ходом молодой советской космонавтики США были отправлены в нокдаун – 12 апреля 1961 года в космос побывал Юрий Гагарин. К слову, заокеанские конкуренты смогли ответить лишь запуском космического аппарата с шимпанзе на борту.

Спустя четыре месяца последовал еще один сокрушительный удар: 6 августа Герман Титов совершил полет на корабле «Восток-2», длившийся более двадцати пяти часов. На борту его корабля была установлена профессиональная кинокамера, доработанная для орбитальной съемки. С ее помощью космонавт снял через иллюминатор десятиминутный сюжет, в котором запечатлел удивительную картину полета над планетой. Позже сюжет демонстрировался по многим телеканалам мира.

Соединенные Штаты не остались в долгу и ответили полетом на орбиту первого астронавта Джона Гленна.

Следующий шаг был снова за Советским Союзом – в космос полетели Андриян Николаев и Павел Попович. В ходе пилотируемого группового полета два корабля прошли в непосредственной близости друг от друга и поддерживали между собой связь.

В июне 1963 года Валерий Быковский на корабле «Восток-5» провел на орбите рекордное время – четверо суток и двадцать три часа. В это же время происходил полет корабля «Восток-6» с первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой на борту.

А в октябре 1964 года с Байконура был запущен многоместный корабль «Восход-1» с экипажем из трех космонавтов...

Обе стороны в этой гонке наряду с победами и рекордами терпели неудачи и провалы. Тем не менее останавливаться и уступать почетный титул ведущей космической державы никто не желал.

Вскоре советскому руководству стало известно, что НАСА готовит серию экспедиций для установки рекордов по продолжительности пребывания человека в космосе. Возникла необходимость ответить чем-то неожиданным, ранее не практиковавшимся.

После долгих обсуждений возникшей проблемы было решено впервые опробовать выход человека в открытый космос.

* * *

Специально оборудованный самолет «Ту-104» летел над облаками. Время от времени он задирает нос и приступает к резкому набору высоты. Затем плавно опускает его и следует по нисходящей траектории, искусственно создавая внутри фюзеляжа эффект невесомости. За полуторачасовой полет самолет-лаборатория «Ту-104» выполнял пять подобных «горок», в общей сложности набирая две минуты искусственной невесомости.

В его кабине был смонтирован макет шлюза космического корабля, полностью воссоздающий размеры и параметры настоящего. В шлюзе находился Алексей Леонов, облаченный в тяжелый, стокилограммовый скафандр «Беркут». Ближе к носовой части самолета у переговорного устройства расположился его товарищ по экипажу – Павел Беляев. Сбоку все происходящее снимал на кинокамеру дублер Алексея Леонова – Евгений Хрунов.

– Приготовиться к выходу, – скомандовал в микрофон Беляев.

– Есть приготовиться к выходу, – послышался из динамика четкий ответ Леонова.

Павел щелкнул тумблером на пульте управления:

– Открываю внешний люк шлюзовой камеры.

Крышка люка на шлюзе медленно поднялась.

– К выходу в открытый космос готов! – доложил Алексей.

– Выход в космос разрешаю.

Леонов протиснулся сквозь узкий шлюз и покинул пределы «корабля».

И тут же период невесомости закончился – космонавт в тяжелом скафандре рухнул на пол салона самолета. Для смягчения его «приземления» пол специально был устлан спортивными матами.

Из висящего рядом с дверцей в кабину пилотов динамика послышался голос командира экипажа:

– Следующая фаза искусственной невесомости через три-четыре минуты. Приготовиться...

Закончив снижение, «Ту-104» приступил к очередному набору высоты.

* * *

Вечером поднялся сильный ветер, погода начала портиться; к ночи пошел сильный дождь.

Два автомобиля подъехали к воротам секретного объекта – «Особому конструкторскому бюро № 1». Охрана узнала машину Главного конструктора и моментально открыла створки ворот.

Прокатившись по ровной дорожке, автомобили повернули влево и остановились у входа в здание, более похожее на заводской корпус, чем на КБ. С переднего правого сиденья наружу выбрался генерал Каманин. Сергей Павлович Королев покинул задний диван и, ступив на мокрый асфальт, решительно зашагал к ступенькам крыльца. Сзади семенили помощники, один из которых раскрыл большой зонт и порывался прикрыть Главного конструктора от проливного дождя.

Работа в конструкторском бюро по сборке космического корабля «Восход-2» шла круглосуточно – одна группа специалистов сменяла другую. Всего в создании первых космических кораблей были задействованы сто двадцать три организации, включая тридцать шесть крупных заводов. Здесь же трудились непосредственные исполнители, собирающие в единое целое комплектующие и сложное оборудование.

Несмотря на внешнюю схожесть с «Востоком», «Восход» разительно отличался от него. Нижняя часть корабля представляла собой технический модуль с топливно-двигательной установкой и набором различных антенн. Сверху к нему был пристыкован шарообразный спускаемый аппарат с дублирующим двигателем, люком шлюзового отсека и телекамерой. Обитаемая кабина стала двухместной, а общая масса достигла пяти тысяч трехсот двадцати килограммов. Кресла для космонавтов были оснащены амортизаторами, пульт управления выглядел более информативным и удобным. Аппарат оснастили усовершенствованной системой жизнеобеспечения, средствами радиосвязи, фотографической и телеаппаратурой, запасами воды и продовольствия.

Изрядно промокший Королев вошел внутрь корпуса; лицо его было мрачным.

Первыми появление Главного заметили члены его команды – начальник отдела систем управления НИИ-88 при ОКБ-1 Борис Черток, профессор Борис Раушенбах, инженер-разработчик Константин Феоктистов.

Всего в корпусе находилось около полусотни человек. Инженеры и младший научный персонал легко узнавались по белым халатам. Механик и электрики носили комбинезоны. Также здесь находилось несколько военных.

В центре корпуса на специальном стапеле, окруженном лесами, площадками и лестницами, возвышался освещенный электрическими лампами космический аппарат.

Королев прошел вдоль правой стены и остановился под большим стендом, на котором в числе прочего красовался график технических работ и испытаний корабля. Сбоку от графика висели фотографии двух будущих членов экипажа: Беляева и Леонова.

Глянув на конечную дату графика, обозначающую полет в 1967 году, Сергей Павлович качнул головой и громко сказал:

– В шестьдесят пятом!

Эхо его голоса дважды прокатилось под потолком огромного корпуса.

Появление Главного всегда вызывало у сотрудников сборочного корпуса этакий трепет. Кому-то в такие визиты доставалось за медленную работу, кому-то влетало за промахи или ошибки. Некоторых и вовсе увольняли за головотяпство или недостаточное качество исполнения своих обязанностей. А этой ночью он привез не слишком приятную новость: дата полета сместилась аж на два года. Это означало, что весь график придется предельно уплотнить и работа превратится в сущий ад.

Оторвавшись от своих дел, специалисты подошли ближе и молча взирали на Главного.

Тот повернулся к стенду, вынул из кармана химический карандаш и нервным росчерком изобразил на графике стрелку переноса. Начиналась стрелка у колонки с датой «1967», а острие указывало на колонку «1965». После чего Сергей Павлович столь же энергично перечеркнул две последние колонки с датами «1966» и «1967».

– В шестьдесят пятом! – так же громко повторил он. – Все свободны! Продолжаем работу.

Озадаченно переглядываясь, народ не спешил расходиться. Срок казался нереальным.

– Я же сказал: свободны!

Сотрудники разошлись по рабочим местам. Рядом с Королевым остались Раушенбах, Черток, Феоктистов, Каманин и пара помощников.

– Как – в шестьдесят пятом?! Ведь изначально речь шла о шестьдесят седьмом! – негромко возмутился нокаутированный новостью Борис Черток. – Мы сможем стопроцентно подготовить «Восход-2» только к шестьдесят седьмому! Почему перенесли сроки?!

– Потому что американцы перенесли дату своего полета, – пояснил генерал Каманин. – Теперь они планируют выйти в открытый космос раньше нас. И допустить мы этого не можем.

Судя по всему, Королев тоже был не согласен с таким жестким переносом сроков полета. Приказ свыше он принял и готов был его выполнить, но... здравый смысл все равно противился.

– А допустить старт в космос неготового изделия с буквами «СССР» на борту можно?! – негромко возразил он, ткнув карандашом в улыбающиеся фотографии Беляева и Леонова. – Обосраться перед всем миром можно, получив два героических трупа вместо живых космонавтов?!

Когда Королев сердился, его ближайшие соратники Раушенбах и Черток предпочитали помалкивать. Каманину тоже нечем было ответить на реплику Главного.

Лишь один Феоктистов робко проговорил:

– Корабль мы подготовим со всей возможной тщательностью. Но времени, Сергей Павлович, слишком мало...

– Два корабля! – перебил тот. – Первый – для испытаний. Назовем «Космос-57» и отрабатываем на нем все возможные ошибки. Затем уж полетит «Восход-2».

– Постойте, – решил вмешаться Раушенбах, – но даже если мы успеем построить два корабля, то «Восходу» придется стартовать буквально следом за «Космосом-57»! На устранение выявленных проблем практически не останется времени. Не понимаю, как мы можем гарантировать надежность всех систем...

– Значит, Борис Викторович, отрабатываем максимум нештатных ситуаций и будем надеяться на людей. Слава богу, у нас два лучших пилота, – сказал Королев и, успокоившись, опять посмотрел на фотографии космонавтов.

* * *

Борис Викторович Раушенбах считался одним из основателей советской космонавтики, ближайшим соратником Королева.

Начинал он с юных лет столяром-сборщиком на Ленинградском авиационном заводе № 23. В 1932 году поступил в военизированное учебное заведение – Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота. Одновременно с учебой увлекался планеризмом. В летнее время ездил в крымский Коктебель, где и познакомился с Королевым. Затем переехал в Москву и устроился в Ховринский институт № 3, в отдел, которым руководил Сергей Павлович.

Позже случился арест Королева, эвакуация института в Свердловск, депортация с другими немцами в трудовой лагерь...

Из поселения (а фактически из ссылки) его спас Мстислав Келдыш, добившийся вызова Раушенбаха в Москву – в Ракетный научно-исследовательский институт.

В 1949-м Борис Викторович защитил кандидатскую диссертацию, в 58-м – докторскую. Уже будучи профессором, он занялся новой темой – теорией управления космическими аппаратами. И преуспел в этом деле. Благодаря разработанным Раушенбахом системам управления была впервые в истории сфотографирована обратная сторона Луны. И в этом мы тоже опередили американцев.

Позже он принимал участие в теоретической подготовке космонавтов, читая им лекции по готовой системе управления корабля «Восток». Она, по сути, оставалась неизменной и для последующих космических кораблей типа «Восход» и «Союз» – управление вокруг центра масс и управление центром масс. Простая схема, потому и гениальна. От космонавтов требовалось сориентировать корабль и заблаговременно раскрутить гироскопы.

«Очень обаятельный, мягкий, удивительно разумный человек» – так отзывалось о нем абсолютное большинство космонавтов.

* * *

Над военным аэродромом города Энгельса Саратовской области равномерно стрекотал «Ан-2». В кабине сидели Беляев с Леоновым, одетые в летные комбинезоны. На головах были шлемофоны, за спинами – основные парашюты, на груди – запасные.

Павел дремал, Алексей глядел по сторонам.

Осмотрев скромное убранство «салона» и не отыскав ничего интересного, он уставился на командира.

– Паш, у тебя на фронте сколько боевых вылетов было? – толкнул он его в бок.

– Один, – неохотно ответил Беляев.

– А если серьезно?

– Отстань, Лёш...

Но отделаться от любопытного Алексея было не так просто. Спас пилот «кукурузника».

– Подходим к точке! – крикнул тот из пилотской кабины. – Впереди грозовой фронт – ветер усиливается!

– Сколько? – спросил Павел.

– Двенадцать метров в секунду. Возвращаемся?

Немного подумав, Беляев кивнул:

– Да!

– Ты чего?! – азартно возразил Леонов. – Давай с ветерком!

– С таким ветерком только один прыжок из десяти выходит без последствий. На... – достав из кармана спелое яблоко, Беляев протянул его товарищу.

– А в космосе тоже заднюю дадим?

– В космосе, Леша, другие инструкции.

– А ты знаешь, почему именно нас выбрали, а не кого-то другого?

Павел удивленно поглядел на Алексея:

– Я пока не думал по поводу этой схемы.

– Ответ же очевиден! Чтоб мы решали там трудновыполнимые задачи, понимаешь?

– Ешь яблоко. Оно вкусное.

Мотнув головой, Леонов сунул его в карман.

– Дома съем.

И, встав с откидного сиденья, направился к двери.

– Леш, ты не понял – мы сейчас не прыгаем, – решил остановить его командир.

– Кто сказал?

– Инструкция!

У обоих за плечами была служба в Военно-воздушных силах и десятки тренировочных прыжков с парашютом. Но в такую непогоду ранее прыгать не доводилось, и сейчас обоими овладел страх – обычное в таких случаях явление. Алексей понимал: единственный способ победить этот страх и навсегда от него избавиться – совершить прыжок.

– А на войне ты тоже всегда действовал по инструкции? – обернувшись, посмотрел он на Павла.

И, распахнув дверь, прыгнул в непогодную серость.

Вздохнув, Беляев тоже поднялся с откидного сиденья.

– Влад, закрой за мной дверь! – бросил он пилоту.

И сиганул в неизвестность следом за Леоновым.

* * *

В соответствии с заданием тренировки купол парашюта в данном прыжке надлежало открыть с задержкой.

Беспорядочно кувыркаясь, Алексей пролетел вниз несколько сотен метров. Затем, раскинув руки и ноги, стабилизировал и замедлил падение. Мимо проносились клочки рваных облаков.

«Он наверняка прыгнул следом за мной!» – подумал Леонов и стал крутить головой в поисках товарища.

Беляев покинул самолет на несколько секунд позже и оказался в более сложной ситуации. «Ан-2» во время его прыжка проходил сквозь мощную облачность; сильные воздушные потоки закрутили Павла и мешали сгруппироваться. Ветер и дождевые капли больно хлестали по лицу, сбивали дыхание.

Пробив одно облако, Беляев сориентировался и замедлил вращение тела. Но полностью упорядочить полет не успел – сбоку ударил плотный поток ветра. Высота таяла, но раскрывать купол парашюта, не стабилизировав положения тела, было опасно.

Он уже отчаялся бороться с ужасающими порывами ветра, как вдруг сбоку мелькнула тень, а за руку его кто-то схватил.

Это был Леонов, сумевший отыскать его в сумасшедшей круговерти. Он помог принять правильное положение, сам нащупал на подвесной системе кольцо основного парашюта и дернул его.

Ранец на спине раскрылся, купол распрямился и стал наполняться. Беляева резко дернуло – лямки системы впились в тело.

Алексей не стал медлить – высота не позволяла расслабляться – и тоже раскрыл свой парашют.

«Ну слава богу», – успел подумать он, осмотрев белевший над ним исправный купол.

И вдруг снова увидел товарища. Павел снижался на приличной скорости, траектория его полета проходила рядом. Еще через секунду Леонов понял, что он в опасности: из-за спутанных строп снижение было неуправляемым и слишком быстрым; парашют подчинялся только порывам бушевавшего ветра.

– Паша! – крикнул Леонов.

– Что? – донеслось снизу.

– Приготовься, Паша – земля близко!

– Знаю!

– Ноги! Ноги, Паша! Держи ступни параллельно поверхности!

Ответить Беляев не успел. Он врезался вытянутыми ногами в набегавшую землю и отчетливо услышал, как что-то хрустнуло.

Сильнейший порыв ветра подхватил купол и поволок Павла по пашне...

Глава вторая

СССР; Московская область.

1964 год.

– Давай-ка пошустрее, малец, – широко вышагивал по пыльной дороге Архип Алексеевич.

Проселок серой ленточкой извивался вдоль широкого засеянного пшеницей поля. По другую сторону зеленела молодая березовая рощица.

Сын поспевал за отцом, лишь перейдя на бег. В одной руке он нес узелок с куском хлеба и кринкой молока. В другой держал прут, коим на ходу срубал растущие вдоль проселка одуванчики. После очередного взмаха из густой травы испуганно вспорхнула и унеслась прочь птица.

Удивленный Леша остановился и после секундной заминки осторожно ступил в траву, желая осмотреть то место, откуда вылетела пичуга. Приблизившись, он положил узелок, присел и осторожно раздвинул траву.

Перед ним лежало птичье гнездо с яйцами.

– Не тронь, – позвучал рядом голос отца.

Вздрогнув, мальчишка обернулся. Заметив, что сын отстал, Архип вернулся и стоял чуть позади.

– Не тронь, – ласково повторил он. – Учует птица, что человек трогал, и больше не вернется.

– А это домик ее?

– Домик.

Архип Алексеевич повернулся, чтоб продолжить путь. Но Леша не торопился встать с коленок.

– А спит она тут же? – спросил он.

– Да кто ее знает...

– Бать, ну скажи, где птичка спит: тут в гнезде или на ветке?

– Надо тебе – сам узнаешь, – проворчал тот. – Пошли, говорю!

Он уже вернулся с обочины на дорогу и вновь широко шагал, не оборачиваясь. Леша с явным сожалением бросил последний взгляд на гнездо и поспешил за отцом...

* * *

После ареста по ложному доносу Архип Алексеевич был отправлен по этапу в один из сибирских лагерей. Жилось там тяжело: работать приходилось по двенадцать часов в сутки, кормили плохо, на отдых и восстановление сил почти не оставалось времени. Там же он едва не погиб – якобы при попытке к бегству.

Охраной был изобретен довольно хитрый и жестокий способ для расправы с неугодными. Конвоиры заранее подговаривали кого-то из заключенных, и те по дороге из барака или после рабочей смены выталкивали обреченного на смерть из строя. Не ожидавший подвоха человек оказывался на обочине, и это было достаточное основание – охрана мгновенно открывала огонь на поражение.

Этим же способом они хотели покончить и с Архипом Алексеевичем. Но нашлись добрые люди – предупредили. Внутренне он был готов к провокации, и когда сосед по шеренге попытался вытолкнуть из строя, Архип увернулся. Не рассчитав свои силы, провокатор сам оказался на обочине и тут же получил пулю.

А немногим позже в Сиблаге начался массовый мор скота. Архип был опытным специалистом и помог остановить падеж.

Этот поступок оценило большое начальство и затребовало для изучения его личное дело. Ну а далее в судьбу Архипа вмешался его величество Случай: дело попало к человеку по фамилии Лудзьиш. Именно с ним много лет назад Архип Алексеевич служил в дивизии латышских стрелков.

Прочитав в деле приговор, Лудзьиш схватился за голову: «Архип Леонов – враг народа?! Да вы с ума сошли! Кто угодно, только не он!..»

В результате в скором времени его освободили. Более того, даже предложили вчерашнему ээку занять должность управляющего хозяйством Сиблага. Но Архип отказался. Не хотел больше сотрудничать с этой властью.

В 1939 году Архипа Алексеевича полностью реабилитировали, и он вернулся домой к семье.

* * *

Из Дома офицеров на высокое крыльцо вышел генерал Каманин. В руках у него была стопка листов с напечатанным текстом; позади его сопровождали молодые адъютанты и помощники – майор и два капитана. Пробегая взглядом по написанному, генерал передавал помощникам листок за листком.

– По смыслу составлено правильно, а по форме – нет, – ворчливо говорил он, не отрываясь от текста. – Не хватает жесткости и официального тона...

В этот момент дверь Дома офицеров приоткрылась и на крыльцо, прихрамывая, вышел Леонов. Судя по сбившемуся дыханию, ему пришлось догонять Каманина.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? – замер Алексей в двух шагах.

– Нет, – коротко ответил тот, продолжая изучать бумаги.

– Виноват. Просьба у меня небольшая.

– Вообще-то я сказал: нет.

Но от Леонова не так просто было отделаться. Он напористо продолжал:

– Пожалуйста, распорядитесь, чтоб меня пустили к подполковнику Беляеву!

Углубившись в чтение, Каманин начал спускаться по ступеням крыльца в направлении ожидавшей машины.

На ходу бросил:

– Это пусть доктора решают.

– Да они уже решили – не пускать! Но и Павел никого не желает видеть! Расстроился, понимаете? А я хочу поддержать боевой дух товарища. Пожалуйста, помогите, товарищ генерал.

– У Беляева очень серьезная травма, – проговорил Каманин, не отрываясь от прочтения текста. И процитировал по памяти диагноз врачей: «Закрытый оскольчатый перелом диафизов обеих костей левой голени со смещением отломков».

Алексей знал о сложном переломе, но отступать не собирался.

Остановившись на последней ступеньке, генерал обернулся, удивленно посмотрел на упрямого майора и только теперь заметил его хромоту.

– У тебя-то что с ногой? – тревожно спросил он.

– А? Да это так... отсидел, пока ждал вас.

С тяжелым вздохом прикрыв глаза, Каманин спросил:

– Леонов, знаешь, почему я тебе еще пинка под зад не дал?

– Никак нет.

– Вот и я не знаю почему. Продолжайте тренировки...

Лицо Алексея расплылось в счастливой улыбке. От нахлынувшей радости он не знал, как отблагодарить начальство.

– Спасибо, товарищ генерал! Мы оправдаем ваше доверие! Скоро Павел выздоровеет и... Вот увидите!

– Отныне твой напарник – майор Хрунов, – сказал как отрезал Каманин.

И двинулся дальше.

– Хрунов?... – улыбка вмиг слетела с лица Алексея. Секунда ушла на полное осмысление информации, после чего он заговорил быстро и убедительно: – А как же Павел?! Послушайте, он не виноват в случившемся – честное слово! Я прыгнул первым и спровоцировал его прыжок, понимаете? Он же не хотел...

– Знаю. Читал я это в твоём рапорте, – подошел генерал к машине. Отдав адъютантам бумаги, распахнул заднюю дверцу. Но прежде чем расположиться на мягком диване, ободряюще хлопнул будущего космонавта по плечу: – Ты не волнуйся. Беляев немного отдохнет, поделится. Офицер он все-таки немолодой – сороковник скоро. Пусть восстановит здоровье. А программу мы прерывать и тормозить – не имеем права. Так что продолжай тренировки с Хруновым.

– Так точно... Понял, товарищ генерал, – бормотал Алексей, глядя вслед отъезжавшей машине.

* * *

Для выживания космонавта в открытом космосе – в условиях вакуума, сверхнизких температур и жесткого космического излучения – требовались специальные скафандры. Их разработка была поручена заводу № 918 (ныне ОАО «НПП» Звезда»). Для первых космонавтов был создан аварийно-спасательный скафандр СК-1.

Скафандры шились по размерам – индивидуально для каждого космонавта. Состояли из двух слоев: силового лавсанового и герметичного резинового. Сверху имелся ярко-оранжевый чехол для облегчения процесса поиска приземлившегося космонавта. Шлем был несъемным и не поворачивался вместе с головой владельца, поэтому на рукаве имелось специальное зеркало для увеличения обзора.

Немногим известно, что в создании СК-1 активное участие принимала Варвара Васильевна Чичагова – гордость советской науки, позже принявшая монашеский постриг и ставшая игуменьей Новодевичьего монастыря.

В скафандрах СК-1 побывали на орбите Юрий Гагарин, Герман Титов, Павел Попович, Валерий Быковский. Для Валентины Терешковой в 1963 году изготовили специальный СК-2, учитывающий особенности женской анатомии и физиологии.

Тем не менее скафандры СК были легкими, весившими всего около тридцати килограммов и совершенно не приспособленными для выхода в открытый космос. Они годились для нормальной работы в герметичной, изолированной и защищенной от космического излучения кабине. При разгерметизации, но при сносной температуре, а также при отсутствии солнечной радиации космонавт мог продержаться в нем до пяти часов. Также СК обеспечивал защиту космонавта при катапультировании и сохранение тепла в течение двенадцати часов при нахождении в холодной воде.

Для работы в открытом космосе требовалась принципиально другая «одежка». И такая была создана.

Новый скафандр получил название «Беркут». Для увеличения надежности в его состав включили дополнительную герметичную оболочку, а верхний слой сшили из специальной металлизированной ткани – экранно-вакуумной изоляции. Готовый скафандр представлял собой термос, состоящий из множества слоев пластиковой ткани, покрытой алюминием. Поме-

нялся и цвет скафандра – для лучшего отражения солнечных лучей он стал белым, а на шлеме с той же целью был установлен специальный светофильтр. В таком костюме хоть и кратковременно, но с относительной безопасностью можно было находиться в открытом космосе.

В итоге «Беркут» прилично потяжелел. Сам скафандр весил двадцать килограммов, а ранец с заключенной в нем системой жизнеобеспечения – почти двадцать два. Помимо системы вентилирования в ранце находились два баллона с кислородом объемом по два литра каждый и манометр для контроля давления. Всевозможные шланги, штуцеры и прочие вспомогательные приспособления также добавляли килограммы веса.

В итоге скафандр получился тяжелым, однако в условиях невесомости его масса решающей роли не играла. Куда большее неудобство доставляло давление воздуха, который закачивался под герметичную оболочку. Именно он делал скафандр жестким и неподатливым.

Понимая сложности при эксплуатации данного изделия, руководство сделало упор на физическую подготовку космонавтов. Летом им ежедневно приходилось совершать кроссы, зимой – лыжные пробежки; в спортивном зале они занимались тяжелой атлетикой и спортивной гимнастикой. Помимо этого комплекс тренировок для более совершенного владения своим телом включал в себя плавание, прыжки на батуте, упражнения на вращающейся «скамье Жуковского» и прочее.

* * *

После долгих усилий ритуал облачения был закончен.

Леонов с трудом поднялся со специального стула, потоптался на месте и дважды подпрыгнул, опробуя надетый скафандр.

Эти движения больших усилий не требовали. А вот шевелить руками в неповоротливых руках оказалось куда сложнее.

Морщась от напряжения, он с трудом согнул в локте правую руку, потом левую... И подумал: «Как же в нем неудобно! А если, выйдя в открытый космос, придется что-то делать? Снимать крышки лючков, менять антенны, ремонтировать навесное оборудование?..»

– Чего там у тебя за проблема? – с улыбкой на лице спросил Хрунов. – Чешется? Давай почешу.

– Себе почеси, – огрызнулся Алексей.

Новый член экипажа в ответ засмеялся. Посмотрев на его кривую улыбку, Леонов с грустью вспомнил Павла Беляева...

* * *

И снова в небе над подмосковным военным аэродромом гудели турбины специального самолета-лаборатории «Ту-104». Он то взмывал вверх, заставляя пассажиров и экипаж испытывать повышенные перегрузки, то плавно опускал нос, кратковременно создавая внутри фюзеляжа искусственную невесомость.

В его чреве находился все тот же полноразмерный макет космического корабля с присоединенным к выходу надувным шлюзом. В качестве командира экипажа работал Хрунов; он находился в капсуле «Восхода» и наблюдал за Леоновым.

Переход из корабля в шлюз и выход в «космическое пространство» одетый в тяжелый скафандр Алексей полностью освоил. Теперь перед ним стояла нелегкая задача вернуться обратно. И если покидание тесного цилиндрического пространства проходило без особых проблем, то обратный маневр не получался – в каждой попытке космонавт по той или иной причине терпел фиаско.

Вот и на этот раз он не вписался в отведенные временные рамки: экипаж вывел самолет из режима снижения, эффект невесомости закончился, и не успевший забраться в шлюз Леонов грохнулся на маты.

– Знаешь, что я думаю? – высунулся из макета Хрунов.

– Ну и что ты там думаешь? – раздраженно спросил Алексей.

Он с трудом принял сидячее положение и расправлял петли длинного фала. Движения были резкими, по сосредоточенному лицу стекали крупные капли пота.

– Двигаться тебе надо быстрее – вот что.

– Вот это точно! Правильно! Как же я сам раньше не догадался?! Только, видишь ли, в чем дело – скафандр весит под сотню килограммов и малейшее движение тела провоцирует в невесомости его инерцию. – Покончив с фалом, Леонов смотрел на шлюз. Поморщившись, добавил: – Да еще приходится лезть в него ногами вперед. Вот и получается, что ни хрена не видишь, куда двигаешься.

– Тогда перерыв? – предложил Хрунов уставшему напарнику.

Оттолкнувшись от матов, Алексей поднялся на ноги.

– Нет. Давай еще разок...

* * *

В ОКБ по-прежнему кипела напряженная работа. Десятки различных специалистов в три смены заканчивали работы по строительству и доводке «Восхода-2».

Готовый шлюз находился неподалеку от основного стапеля; рядом у большого стола с разложенными чертежами стояли Леонов и Хрунов. Перед ними на стуле сидел Королев. Лица у всех были озабоченными.

– Сколько сеансов невесомости отработали в последнем полете? – спокойно спросил Главный.

– Пять, – ответил Хрунов.

– И ни одного успешного возвращения в шлюз?

– Ни одного.

Сергей Павлович пристально посмотрел на Леонова.

– Хотелось бы услышать о причинах из первых уст. Что вам мешает, товарищ майор?

После секундного замешательства Алексей быстро заговорил:

– По нашему мнению, причин несколько. Одна из них – неудобный скафандр. «Беркутом» он только называется, а на самом деле это какой-то... асбестовый гроб. Честное слово! Но у меня есть предложение. Можно?

Королев неохотно кивнул. И, обернувшись к Раушенбаху, позвал:

– Борис Викторович! Подойди...

Леонов тем временем достал из тубуса чертежи, развернул их и разложил на столе перед Главным конструктором и подошедшим Раушенбахом.

К удивлению мэтров, отечественной космонавтики на листе оказался вполне грамотный с инженерной точки зрения чертеж скафандра «Беркут». Проблемные узлы были изображены отдельно. Все чертежи снабжены сносками; расчеты и выкладки размещались в нижней таблице.

Королев с Раушенбахом склонились над столом и с удивлением наблюдали, как Леонов наложил на чертеж лист кальки с изображенными шарнирами. Выровняв кальку, он схватил лежащий рядом рейсфедер и прижал им бумажную конструкцию.

– Для того чтобы подтягивать фал и управлять своим телом, необходима хотя бы минимальная гибкость, – с жаром принялся объяснять свою идею космонавт. – Обратите внимание:

здесь изображены шарниры в местах плечевых, локтевых и кистевых сгибов для большей свободы движения...

Поворачивая лист кальки, он продемонстрировал улучшенную подвижность и торжествуя повернулся к Королеву.

– Сами чертили? – по-отечески тепло взглянул на него Раушенбах.

– Так точно, – кивнул Алексей и продолжил: – Кроме того, происходит корреляция с общим давлением внутри скафандра...

Борис Викторович с сожалением перебил:

– Мы предполагаем работу в этом направлении. Но вы, ребята, должны понимать: чтобы такой скафандр появился на свет, нужно год-два. А то и два с половиной.

– А у нас их, товарищ Леонов, попросту нет, – раздраженно добавил Королев.

– Я понимаю, Сергей Павлович...

Евгений Хрунов решил помочь товарищу и, сделав шаг вперед, достал из кармана елочную игрушку на тонкой нитке.

– А если «поиграть» с местом крепления фала? – запальчиво сказал он, показывая качающуюся на нитке игрушку.

– Что, простите? – не понял Главный. – Зачем?

– Сейчас фал крепится к поясу скафандра в районе центра масс космонавта, и по технологии он должен войти в шлюз ногами вперед, верно?

Мэтры молча взирали на Хрунова.

– А что, если закрепить фал в верхней части скафандра и войти в шлюз головой? Мне кажется, будет правильнее, если космонавт увидит, куда движется, – продолжил тот. – То есть пойдет головой вперед.

Переглянувшись в Раушенбахом, Королев оглянулся к инженерам, копавшимся у шлюза.

– Товарищи, оставьте нас на три минуты, – попросил он.

Те прекратили работу и отошли на десяток метров.

– Вперед, – кивнул Главный конструктор.

– Что? – не понял Хрунов.

– В шлюз.

– Я?

– Да-да. Как вы там хотели – головой вперед? Прошу вас.

Евгений решительно подошел к открытому шлюзовому люку, наклонился и залез вперед головой.

– Давайте-давайте, – подначивал Главный. – Залезли?

– Так точно, – послышался сдавленный голос Хрунова.

– А теперь развернитесь мордой к люку.

– Зачем?

– Чтобы закрыть его вручную.

– Так он же автоматический!

– Он автоматический в девяти из десяти случаев, – возразил Сергей Павлович. – А сейчас давайте представим, что вам не подфартило и автоматически крышка люка не закрылась. Попробуйте закрыть ее вручную.

Из шлюза послышалось кряхтенье – Хрунов пытался развернуться на сто восемьдесят градусов, но застрял в узком горлышке.

– А теперь представьте, что на вас неудобный скафандр и заканчивается кислород. Представили?

– Так точно, – расстроенно ответил Евгений.

Королев подвел итог короткого эксперимента:

– Все. Вы погибли. И ваш напарник – тоже.

Наблюдавший за этой картиной Леонов пристыженно вернулся к столу и свернул свой чертеж.

– Все ясно, Сергей Павлович. Извините за беспокойство – будем работать на текущую задачу, – негромко сказал он. – Мы готовы лететь хоть в кандалах, хоть в кольчугах.

– Мы и так – народ, который от рождения летает в кандалах, – примирительно сказал Главный. – А представляете, что было бы, если их снять? Потеряли бы равновесие и разбились бы к чертям собачьим. Вот такой мы народ. Идите.

– Есть.

– Чертежи оставьте...

* * *

В 1943 году Алексей Архипович начал посещать начальную школу в Кемерово. Среди прочих увлечений юноши была роспись старых русских печей, которой он научился у живших по соседству с его семьей украинских переселенцев. С годами одни увлечения забывались, на смену им приходили другие, но изобразительное искусство занимало все более значимое место в его жизни.

Однажды во время школьной перемены он увидел у своего одноклассника книгу с черно-белыми иллюстрациями картин художника Айвазовского. Картины произвели на Лешу огромное впечатление, и он загорелся желанием приобрести эту книгу. Обошлась она ему по тем временам невероятно дорого – в уплату пришлось каждый день в течение месяца отдавать однокласснику весь скудный ученический паек: пятьдесят граммов хлеба и маленький кусочек сахара.

Но зато книга с великолепными иллюстрациями теперь была собственностью Алексея, а художник Айвазовский стал его любимым художником.

* * *

Утро редкого выходного дня Леонов решил посвятить любимому хобби – живописи. Разложив на журнальном столике группу предметов: портативный радиоприемник, модель космической ракеты, планшет, блокнот с авторучкой, офицерскую фуражку и яблоко, он прикрепил к мольберту лист свежего картона и принялся делать набросок...

Сегодня у Алексея все получалось. Однако спустя пару часов в комнату заглянула супруга Светлана.

– Обед стынет, Леша, – напомнила она. Заинтересовавшись работой мужа, подошла ближе и, рассмотрев почти законченный натюрморт, оценила: – Похоже.

– Свет, я тебе уже говорил, что для художников «похоже» – наихудший комплимент.

– А это комплимент не художнику, а космонавту с кисточкой. Который, между прочим, мог бы стать и очень хорошим художником.

– Чуть-чуть в сторонку от освещения, – попросил он. – А космос как же?

– Разве настоящему художнику, чтобы попасть в космос, – обязательно лететь туда на ракете?

– Да я сквозь потолок звезды вижу. Точнее, потолка не замечаю – смотрю сквозь него и вижу небо. Да я бы и до луны на велике доехал бы! Жаль, что таких великов нет...

– Обедать, – с театральной строгостью сказала Светлана.

И отправилась на кухню.

Вместо нее в комнату забежала дочь Вика. Увидев на столике яблоко, она схватила его.

– Ой, а мне можно?

– Можно. Но после обеда, – ответил папа, забрав у дочери спелый фрукт.

– Тогда пойдем обедать прямо сейчас! – крикнула она, выбежав в коридор.

Алексей посмотрел на яблоко. Покрутив его в ладони, он заметил темное пятнышко.

«Им же угостил меня Павел, – припомнил он. – Тогда... в самолете. Перед роковым прыжком...»

* * *

Сквозь единственное окно палаты травматологического отделения была видна верхушка дерева, покачивающаяся от слабого ветра на фоне синего неба. Врачи навещали Беляева три-четыре раза в день. Столько же раз медсестра приносила поднос с разнообразным питанием. А остальное время он либо читал книжки, либо подолгу глядел в небо.

Сейчас его бездонную голубизну расчерчивал инверсионным следом маленький истребитель, летевший куда-то на юго-восток. «Тренировочный полет, – догадался Павел. – Эх, когда теперь доведется полетать?..»

Истребитель поравнялся с краем оконного проема и скрылся из вида. Постепенно стих доносящийся из-за приоткрытой рамы далекий гул. В палате снова стало тихо.

Беляев вздохнул, перебирая возможные варианты развлечений. До обеда еще было далеко и следовало чем-то себя занять. В окно таращиться надоело. Спать не хотелось. Последнюю книгу он вчера дочитал, а парочку свежих ребята из отряда обещали принести только вечером после ужина.

Внезапно за окном появилась тень. Павел вновь повернул голову вправо и увидел довольное лицо Леонова.

– Здорово, – тихо сказал тот, толкнув раму.

Рама со скрипом отворилась внутрь палаты; Алексей нагнулся, подцепил что-то тяжелое и с усилием приподнял. Через секунду он поставил на подоконник тяжелую гирю. Затем рядом, странно звякнув, опустил набитый каким-то железом рюкзак.

Беляев смотрел на все это спокойно и без эмоций.

– Правильно – лучше молчи. Говорить буду я, – прокомментировал Леонов холодную встречу и залез в палату. – Так, ну что? Начинаем программу по восстановлению физической формы. Ты согласен?..

На самом деле вопрос прозвучал так... из вежливости и согласия не требовал. Все товарищи по отряду космонавтов знали: если Алексей чего-то удумал – остановить его могло только чудо.

Он проворно извлек из рюкзака составные части странного механизма и принялся собирать их, прилаживая к кареткам кровати. Судя по виду конструкции, это был противовес для травмированной ноги товарища.

– Жизнь у меня одна. И напарник тоже один – с другим я не полечу, – деловито рассуждал Леонов, закручивая на винтах гайки. – Сейчас, конечно, приходится тренироваться с Хруновым, чтобы не терять форму и не прерывать учебный цикл. А как только ты восстановишься – мы с тобой сразу идем к начальству и подаем рапорт на прохождение медкомиссии. Улавливаешь, Паша? И все будет хорошо...

Покончив со сборкой, он начал протягивать через конструкцию металлический тросик.

– Хорошо, что врачи собрали по косточкам твою ногу. Это очень хорошо! А то, что не обещают быстрого выздоровления – так это вообще ерунда...

– Алексей, посмотри на меня, – впервые подал голос Беляев.

– Ну, – ковыряясь с последней железкой, отозвался тот снизу.

– И заодно услышь.

– Ну. Смотрю и слушаю.

– Я с тобой никуда не полечу.

- Чем же я тебе так противен? – как ни в чем не бывало спросил Леонов.
- Павел приподнялся, поправил сбившуюся в комок подушку.
- Да не в этом дело. Страха ты не знаешь. А это очень плохо.
- Есть страх. Слушай, я тебе сейчас одну историю расскажу – из детства...
- Уйди, Леша.
- ...И ты сразу поймешь, о чем я тебе говорю...

Он торопливо доделывал противовес. А Беляев неподвижно лежал на кровати и смотрел в белый потолок.

Внезапно он повысил голос и достаточно жестко произнес:

- Ты не понял меня?!
- Нет, ну ты чего? – на секунду прервался молодой коллега. – Леоновы просто так не уходят. Ты чего в самом деле? Сейчас доделаю и тогда уйду.

Ему оставался последний штрих. Приподняв гирию, он подвесил ее на крюке, висевшем на болтавшемся тросике. Травмированная нога Беляева тут же пружинисто приподнялась над кроватью.

– Вот так! Понял?! Давай, качай!

От неожиданности Павел забыл обиду и злость. Поднапрягшись, он потянул ногой механизм вниз. Получилось – натянувшийся тросик приподнял гирию.

– Раз-два, раз-два, – командовал Алексей. – Посмотри, как хорошо все работает!

Несколько раз проделав упражнение, Беляев так увлекся, что в следующий раз сделал это слишком резко. Из конструкции со звоном вылетела какая-то металлическая пластина. Нога резко упала на кровать.

И тут же палату огласил истошный крик Павла.

– Давай помогу! Давай... – суетился вокруг него Леонов. – Больно?..

Тотчас распахнулась дверь – в палату вбежали медсестры. Следом появился встревоженный дежурный врач.

– Иди к чертовой матери! Убирайся отсюда! – преодолевая боль, запустил Павел подушкой в Алексея.

Поймав пущенный в него «снаряд», тот сунул его в руки медсестры и направился к выходу.

– У нас все нормально. Мы разобрались, – говорил он на ходу.

– Убирайся!.. – мчалось ему вслед из палаты. – И чтоб я тебя больше не видел!..

Глава третья

СССР; Московская область.

1964 год.

В 1948 году Архипу Алексеевичу предложили в Калининграде хорошую работу, и семья Леоновых переехала к новому месту жительства. Послевоенный город встретил разрушенными кварталами, разбитыми дорогами, почерневшими окнами сгоревших домов, застывшими портовыми кранами. Калининград нужно было восстанавливать из руин.

Юный Алексей как мог помогал родителям: после занятий в школе помогал отцу с ремонтом жилища, разбираал завалы мусора во дворе, чинил водопровод и не гнушался любой другой работы.

Через пять лет он получил свой аттестат зрелости. К тому моменту он серьезно увлекся летным делом: поименно знал известных в стране авиаторов, пересмотрел все киноленты про летчиков, а в свободное от учебы время мастерил авиамодели и писал свои первые картины.

Петр – старший брат Алексея – получил хорошее образование и работал авиационным техником. По его конспектам юный Леонов с завидным упорством изучал основы теории полетов, авиационные двигатели и конструкцию самолетов. И долгое время не мог решить, что же больше ему нравится: авиация или живопись?..

Жизнь многих известных людей изобилует крутыми поворотами. Забегая вперед, скажем: судьба Леонова тоже могла стать совершенно иной. Благодаря незаурядным способностям к рисованию после школы он подал документы в Рижскую академию художеств. Просмотрев привезенные им картины, ректор академии вынес вердикт: принят. Но вскоре выяснилось, что жить новоявленному студенту негде: общежитие предоставлялось лишь после трех лет обучения. Стипендия в академии (а ее еще нужно было заслужить) составляла всего пятьсот рублей – небольшие по тем временам деньги. И именно такую сумму требовалось заплатить за съем скромной комнаты в Риге.

Это было сравнимо с ушатом ледяной воды. Мечта стать художником ускользала прямо из рук. Но молодой человек не унывал. Если не устраивал один вариант, значит, нужно было искать другой. И, скорректировав свои планы, он решил посвятить свою жизнь второй мечте. Мечте о небе.

Участь в школе и предполагая связать жизнь с авиацией, он понимал: без спорта достичь заветной цели будет значительно труднее. Потому в свободное время Алексей уделял внимание и спорту – посещал некоторые секции.

В результате хорошая учеба в школе, страстное желание и занятия спортом стали тем заветным ключиком, который без особых проблем открыл перед Леоновым дверь летной школы – в августе 1953 года он был зачислен в Десятую военную авиашколу, осуществлявшую первоначальное обучение летчиков.

Находилась данная школа в Полтавской области, в городе Кременчуг. Окончив ее, он решил получить профильное высшее образование и до 1957 года продолжал обучение в высшем военном училище летчиков-истребителей, расположенном в городе Чугуеве.

* * *

Так получилось, что с небольшим украинским городком под названием Кременчуг будущего космонавта связывало очень многое.

В свои девятнадцать лет он впервые оказался с этим городом. Тогда в здешнюю авиационную школу начального обучения летчиков был объявлен комсомольский набор. Проходя обу-

чение, молодые мальчишки-курсанты впервые самостоятельно поднимались в небо. А в свободное от полетов время восстанавливали учебные корпуса, строили казармы для себя и дома для своих преподавателей и командиров. Время было тяжелое, послевоенное; кругом была разруха.

Но и в непростое время молодые парни находили время и силы для озорных выходок. Однажды Алексею с однокашниками удалось на целые сутки лишить местный горком партии геральдики, висевшей над крыльцом главного входа. Леонову поручили выпустить стенгазету с гербом города, а как он выглядит – никто из курсантов не представлял. Решение созрело моментально: нужно снять герб с Белого дома и скопировать.

Сказано – сделано. И утром стенгазета с изображением герба висела на положенном месте, а на пропажу оригинала никто не обратил внимания. Следующей ночью будущие военные летчики снова забрались на фасад здания и вернули «образец» на место.

Многие из выпускников Кременчугской авиашколы потом – после окончания Чугуевского военного авиационного училища – вновь возвращались сюда для усовершенствования летного мастерства. Вернулся и Леонов, получив после Чугуева назначение в местный гвардейский истребительный полк. И это возвращение стало для него судьбоносным.

Гавриил Трифонович Ганус закончил службу в Группе советских войск в Германии и был переведен в Кременчуг. Здесь его семья получила двухкомнатную квартиру в хорошем сталинском доме. А «трешку» напротив отдали ватаге молодых холостяков-лейтенантов из истребительного полка, среди которых был и Леша Леонов. Начинающие летчики с удовольствием общались с асом, который был всего на четыре года старше. Без особого стеснения они приходили к нему и терзали вопросами на профессиональные темы. По выходным, как и полагалось летчикам, они часто устраивали веселые застолья. И если с закуской случались проблемы, то к Ганусам снаряжали гонца – Алексея.

Через некоторое время у Гавриила Трифоновича и его супруги Клавдии Васильевны сложились с этим озорным и одновременно вдумчивым лейтенантом теплые приятельские отношения.

Как-то с такими же друзьями-лейтенантами отправился он вечером прогуляться. Навстречу попала стайка девушек. Ребята остановились, чтобы уступить им дорогу, а проказник Алексей не придумал ничего лучше, как подставить кареглазой смуглянке подножку.

В шутку, разумеется. Думал, перепрыгнет. А она не заметила и... споткнувшись, упала. Он кинулся поднимать ее, а пока извинялся и успокаивал – влюбился.

Так и познакомились. Красивая смуглянка оказалась работницей КрАЗа, звали ее Светлана Доценко. Она была скромной и очень красивой девушкой.

Через некоторое время она пригласила молодого человека к себе домой – Светлана проживала с родителями в частном доме. Он пришел. И когда увидел на столе в ее комнате редкий альбом с репродукциями, который, будучи начинающим художником, давно хотел приобрести, понял: это судьба. И не ошибся. Светлана тоже любила искусство и разделяла многие убеждения Алексея.

Через некоторое время Леонову предстоял перевод на новое место службы – в Группу советских войск в Германии. За советом он пришел к Клавдии Васильевне:

– Как быть? Сделать Светлане предложение сразу или подождать, пока закончится моя служба в Германии?

– Любите друг друга? – спросила женщина.

– Да.

– Тогда женись и не раздумывай.

И вскоре состоялась свадьба.

У Клавдии Васильевны и Алексея сложились настолько крепкие дружеские отношения, что он позвал ее на свадьбу шафером. И такой свадьбы, пожалуй, жители Кременчуга не видели – свидетелем со стороны жениха была замужняя женщина.

* * *

До старта космического корабля «Восход-2» оставалось сто двадцать дней. В сборочном корпусе Особого конструкторского бюро ни днем ни ночью не прекращалась работа. Все комплектующие, настроенные системы, сложное оборудование к концу 1964 года были доставлены в ОКБ. Корабль был собран, но на его корпусе по-прежнему отсутствовали многие листы обшивки – специалисты копались в агрегатах, в жгутах электропроводки и отдельных узлах.

Королев, Черток и Феоктистов также постоянно находились здесь, покидая свой «пост» лишь на короткое время сна.

«Устали люди, – оторвавшись от чертежей, подумал Главный конструктор корабля. – Еле двигаются, зевают...»

Оглядев сияющий в свете прожекторов практически готовый «Восход», он заметил у его верхней части инженера-электрика Никишина. Согнувшись пополам, тот закопался в жгуты проводки и что-то монтировал. В какой-то момент из его руки выскользнула отвертка и, встречаясь на пути с проводами и балками, полетела вниз. Изловчившись, инженер каким-то чудом поймал ее у верхней площадки стапеля.

– Никишин! – окликнул Черток.

Инженер обернулся.

– Никишин, ступай-ка ты домой – выспись. Завтра закончишь, – приказал Борис Евсевич. И, обращаясь к Королеву, пояснил: – Отдых людям нужен, Сергей Павлович. Третью неделю пашут в три смены. Куда это годится?..

Один из специалистов прокатил мимо грузовую тележку с огромным энергоблоком, похожим одновременно на радиатор центрального отопления и на электронно-вычислительную машину с торчащими во все стороны проводами.

– Сразу после отчетной комиссии всем – выходной, – вздохнул Королев. – На сутки.

– Может, председателя комиссии в корабль посадить? – предложил Феоктистов. – Пусть на пять минут почувствует себя Гагариным и успокоится. Потом за стол в банкетном зале и под зад коленом.

– Под зад коленом – пожалуйста. А в корабль никого из посторонних не пущу. Будь это сам Брежнев...

Внезапно из-за округлого бока «Восхода» вырвался густой сноп искр, сопровождаемый треском и громкими щелчками. Стоящего на верхней площадке стапеля Никишина отбросило в сторону; отлетев на пару метров, он рухнул вниз на инструментальный стол.

Под потолком разом заморгали и погасли все лампы с прожекторами. Через секунду зажглись боковые фонари аварийного освещения.

Все, кто находился поблизости, бросились к пострадавшему инженеру. Вокруг моментально скопилась толпа людей.

Расталкивая их, к Никишину подошли Королев и Черток.

– Дышит? – озабоченно спросил Главный конструктор.

– Не видно... – ответил кто-то. – Темно...

– Пропустите врача!..

Комбинезон на Никишине дымился. Кожа предплечий потемнела, а ладони обуглились.

Над пострадавшим склонился дежурный врач. Он осмотрел грудную клетку, ощупал запястье, приподнял веко...

– Ну что? – прозвучал в напряженной тишине голос Королева.

– Мертв, – поднялся доктор.
Стоявший рядом Раушенбах прошептал:
– Господи...
– Я хочу точно знать, что произошло. Точно! – громко произнес Сергей Павлович. – Борис Евсеевич, доложи мне через полчаса: что произошло с электрикой.
– Есть.
– Я так понимаю, что комиссию отменяем? – спросил Феоктистов.
– Ни в коем случае! – строго глянул на него Королев. – Я желаю, чтобы они увидели все это! Нам крайне необходимо, чтобы они об этом знали! И пускай доложат кому следует...

* * *

У Королева не было близких друзей, так как он всегда был одержим идеями, а не людьми. Существовали коллеги, преданные единомышленники. В молодые годы – Сергей Люшин, Петр Флеров. В зрелости – Василий Мишин, Николай Пилюгин, Борис Раушенбах, Борис Черток. А друзьями Главный так и не обзавелся.

Сотни людей вспоминают его, описывают в своих книгах и мемуарах, но ни один из них не имеет права сказать: «Я был близким другом Сергея Павловича».

Вероятно, так происходило потому, что не разделявшие его идей люди не были ему интересны, а близкая дружба с коллегами страшила усложнения деловых взаимоотношений. Ведь друзьям всегда труднее приказывать. Он жертвовал дружбой ради Дела всей жизни.

Наконец, имелась еще одна веская причина: настоящая дружба всегда требует времени и внимания, а времени у Сергея Павловича было в обрез. И в молодости, и в зрелые годы.

* * *

Очередной рабочий день в клинике не предвещал сюрпризов. До тех пор, пока в ординаторскую к доктору Карпову не ворвалась медсестра.

– Евгений Анатольевич, там с Беляевым плохо! – взволнованно доложила она.

Дежурный врач нес полную ответственность за подопечного космонавта, потому подскокил с кресла словно ужаленный:

– Как – плохо?!

От ординаторской до палаты они шли быстрым шагом, изредка переходя на легкий бег.

Распахнув дверь, доктор Карпов удивленно замер. Беляев стоял на здоровой ноге с торца кровати и, вцепившись в каретку руками, с хриплым ревом то поднимал ее, то опускал. Специальная кровать была тяжелой, и космонавту приходилось изрядно напрягать все мышцы тела. Лицо заливали капли пота. По всему было видно, что каждое движение из-за острой боли дается ему крайне тяжело.

– Товарищ Беляев, что же вы творите?! – бросился к нему врач.

– Как что творю?! – на мгновение прервал тот упражнения. – Вы же сами сказали, что ногу надо нагружать.

– Я имел в виду небольшие нагрузки, возрастающие постепенно и понемногу.

– Простите, Евгений Анатольевич, но времени у меня нет. Совсем нет...

* * *

Павел Беляев пользовался большим уважением в отряде космонавтов, и его травма здорово расстроила товарищей. Даже Юрий Гагарин встречался с врачами и лично просил поставить Павла в строй.

Началось продолжительное лечение. Беляева постоянно мучил вопрос: оставят ли его в отряде космонавтов?

После пяти месяцев различных процедур кости срослись, однако больная левая нога оказалась чуть длиннее здоровой правой. Хирург предложил сделать сложную операцию.

– Вы можете гарантировать, что после операции нога срастется правильно и меня оставят в отряде? – спросил Павел.

– Нет, – честно признался врач.

И тогда Павел отказался от хирургического вмешательства и предложил другой выход – усилить физические нагрузки на ногу. При этом попросил отпустить его домой, не беспокоить и дать возможность полечиться самостоятельно.

– Если через три недели не приведу ногу в норму – вернемся к вашему предложению, – пообещал он.

Хирург согласился. И потянулись изнурительные тренировки в домашних условиях...

Татьяна – супруга Павла – сразу почувствовала внутреннюю тревогу, обеспокоенность мужа. Успокоила как могла и помогала во всем.

В квартире появились две тяжелые гантели. По пятнадцать раз в день Беляев брал их в руки, опирался спиной о стену, переносил вес тела на больную ногу и стоял на ней по двадцать – двадцать пять минут. Было невыносимо больно, по лицу стекали капли пота, но он, стиснув зубы, стоял. Думал о чем-то отвлеченном, вспоминал...

Вспоминал далекое детство в Северо-Двинской губернии или учебу в школе на Урале; работу на заводе или первые годы службы в Красной армии.

Более всего во время придуманной им терапии помогали воспоминания об одном неординарном случае на Дальнем Востоке.

В тяжелые послевоенные годы он проходил службу в Приморском крае в составе гвардейского истребительного авиационного полка Военно-воздушных сил Тихоокеанского флота. Служил командиром экипажа, затем старшим летчиком, командиром звена, заместителем командира эскадрильи по политической части.

Однажды, патрулируя акваторию Японского моря, Беляев вел группу самолетов «Ла-11» по маршруту, соединявшему несколько островов с материком. Когда до берега осталось двести километров, начал барахлить мотор – отказал топливный насос.

Под самолетом – куда ни глянь – бесконечная гладь океана. Глазу не за что зацепиться – ни торчащего скалистого островка, ни корабля, ни рыбацкого траулера. Истребитель вел себя нормально, но обороты двигателя изредка проседали, и высота в эти моменты стремительно уменьшалась.

Через несколько минут нервного полета положение усугубилось – двигатель заработал с явными перебоями. Баки были заполнены топливом, но на перемещение РУДа он не реагировал.

При отказе двигателя в полете самолет превращался в обычный планер с той лишь разницей, что быстрее терял высоту. Если отказ происходил над землей, то шанс удачно приземлиться оставался – была бы подходящая ровная площадка. Но на этот раз под самолетом раскинулся океан.

Павел дотянулся до рукоятки ручного насоса подкачки топлива и несколько раз энергично двинул ее вверх-вниз. Двигатель моментально отреагировал и восстановил нормальные

обороты; самолет прекратил снижение. Из чего летчик сделал вывод: двигателю попросту не хватает топлива.

И, схватившись за рукоять, он принялся постоянно подкачивать из бака бензин. Так и летел в сторону ближайшего берега – левой рукой ворочал ручку управления, правой совершал возвратно-поступательные движения...

Рука довольно быстро устала.

«Надо сбавить темп и работать спокойнее», – решил летчик-истребитель. Но машина тут же отреагировала на снижение темпа и пошла вниз. Беляеву снова пришлось поднапрячься, подавая в прожорливый двигатель порцию бензина за порцией...

Никто не считал, сколько ему пришлось сделать одной рукой мощных возвратно-поступательных движений, чтобы самолет успешно преодолел двести километров пути. Тысячу, три, пять. Или, может быть, десять... Он работал «на автомате» и практически ее не чувствовал. Сердце гулко колотилось под кожаной курткой, по лицу струился пот.

Ведомый и другие подчиненные весь маршрут следовали рядом с командиром, наблюдали за его попытками достичь заветного берега, но ничем помочь не могли. Только поддерживали словами и неистово запрашивали КДП ближайшего аэродрома, чтобы Беляеву обеспечили аварийную посадку «с ходу».

Наконец вдали показалась полоска земли; постепенно стала различима неровная линия разновысоких сопок. Ближайший аэродром находился недалеко от моря. Руководитель полетов разрешил садиться «с ходу» – без полета по «коробочке».

На глиссаде снижения Павел сбавил темп подкачки топлива – двигателю не требовалась полная мощность. Выполнив посадку, зарулил на стоянку. А когда покинул кабину, рука буквально повисла бесчувственной плетью – ни поднять, ни пошевелить.

Почти неделю он потом приводил ее в порядок: делал массаж, прогревал, обкладывал на ночь компрессами...

Вспоминая об этом случае, Беляев с завидным упорством продолжал каждодневные многочасовые тренировки по восстановлению травмированной ноги. Было невыносимо больно, но он терпел и занимался. Когда совершенно не оставалось сил, он падал на диван и полчаса отдыхал. Потом снова принимал стойку на одной ноге с гантелями в руках. И так три недели подряд.

В апреле он снова появился в кабинете у хирурга. Тот сделал рентгеновский снимок и, не дожидаясь, пока высохнет пленка, стал у окна рассматривать последствия сложного перелома. И удивленно проговорил:

– Вы победили, голубчик, – нога практически здорова.

Но лечение продолжалось: специальные грязевые ванны, комплекс упражнений, компрессы... Потом строгая медицинская комиссия.

И наконец, единодушный вердикт: «Годен к обучению в отряде космонавтов».

* * *

Отпустив всех специалистов по домам, Королев остался в сборочном корпусе один. Аварийная бригада наладила электрику – под потолком снова ярко горели все лампы и прожекторы, освещая стоявший посередине космический корабль.

Сергей Павлович неподвижно сидел за столом. Прямо перед ним на чертежах лежала докладная записка, составленная Борисом Евсеевичем по результатам проверки электросистемы корабля. В результате замыкания выгорела одна из шин, на замену которой ушло несколько часов работы. Теперь корабль вновь был исправен, и Главный решил дать людям передышку.

Медленно поднимая голову, он осмотрел свое детище снизу до самого верха. Тяжелый «Восход-2» выглядел внушительным даже внутри огромного сборочного корпуса. Сидевший под ним Королев казался маленьким и беспомощным человечком.

– Ну мы еще посмотрим, кто кого, – сказал он, надевая шляпу и поднимаясь со стула.

Пока он шел к выходу, под потолком корпуса носилось эхо его шагов. Когда за Главным конструктором закрылась дверь, основной свет погас. Вместо него включились фонари дежурного освещения.

В корпусе впервые за последние три недели установилась абсолютная тишина...

* * *

Погода испортилась: заморозки сменялись ледяным дождем и холодным ветром; солнечных дней почти не было.

Покончив с теоретическими занятиями, Леонов шагнул по своим делам мимо открытой спортивной площадки. И вдруг остановился – в секторе тяжелой атлетики он заметил знакомую фигуру.

– Паша! – воскликнул он, приблизившись к Беляеву. – С возвращением тебя!

Узнав голос бывшего напарника, тот даже не повернул головы. Как тягал в приседании штангу, так и продолжил.

Улыбнувшись, Алексей направился к крытому спортивному залу. Следующая пара занятий по расписанию проходила именно там.

* * *

Весь летный отряд будущих космонавтов собрался в большом спортивном зале.

После десятиминутной разминки, состоящей из легкого бега, наклонов, приседаний и махов, инструктор по физической подготовке скомандовал:

– Отряд, становись!

Народ быстро разобрался и встал в одну длинную шеренгу.

– Упор лежа принять!

Леонов вместе со всеми остальными лег и уперся руками в деревянный пол.

– Отжимания. По тридцать раз. Начали!..

На втором десятке отжиманий Алексей вдруг заметил, как в зал, прихрамывая, вошел Беляев.

– Виноват, – обратился Павел к инструктору. – Разрешите встать в строй?

– Становитесь.

– Есть.

Беляев занял место на левом фланге и, приняв упор лежа, тоже начал отжиматься от пола.

– С возвращением, – улыбнулся инструктор.

– Спасибо...

* * *

Утро следующего дня Леонов с Хруновым должны были провести на испытательном стенде. Переодевшись в скафандры, они сели в служебный автобус и в сопровождении сотрудников отряда поехали в сторону нужного корпуса.

Маршрут короткой поездки проходил мимо стадиона. По гаревой дорожке бежала немногочисленная группа будущих космонавтов, среди которых Алексей сразу узнал Беляева. Тот заметно прихрамывал и, находясь в конце, едва поспевал за основной группой.

– Во дает дедушка советской авиации! – прыснул смешком Хрунов.

Леонов недовольно покосился на напарника и сказал:

– Знаешь, Хрунов, что мне больше всего в тебе нравится?

– Что?

– Твоя улыбка. Вот улыбнись еще раз, Гагарин!..

Евгений и сам неоднократно сетовал на то, что не обладает яркой внешностью. И уж конечно, его улыбка не шла ни в какое сравнение со знаменитой улыбкой Юрия Гагарина.

Поняв, к чему клонит Алексей, Хрунов перестал смеяться, отвернулся и уставился в другую сторону...

* * *

Во второй половине дня Леонов незаметно просочился в здание медицинского блока. Строгая медицинская комиссия, занимавшаяся отбором кандидатов на полет, обычно заседала на втором этаже. Осторожно подойдя к стеклянной двери, он заглянул внутрь помещения.

Точно посередине комнаты возвышалась конструкция специального велотренажера. Перед ним ближе к окну располагался стол, за которым сидела женщина-врач. Рядом со столом на стульях сидели члены медкомиссии, а на велотренажере трудился Беляев, одетый в спортивный костюм.

– Понятно. Можно заканчивать, – кивнула женщина. – Начали вы лучше, товарищ подполковник.

Беляев продолжал крутить педали, но делал это тяжело и медленно.

«Не справился», – с досадой подумал Алексей. И вдруг увидел шедшего по коридору молодого мужчину – медика.

– Минуточку, – шагнул навстречу Леонов. Протянув букет цветов, он попросил: – Вы не могли бы передать это Светлане Егоровне?

– Хорошо, передам, – пожав плечами, согласился медик. – А что ей сказать? От кого?

– Просто в честь хорошего солнечного дня.

– Ладно.

– ...И в честь ее мудрого решения.

Молодой мужчина исчез за стеклянной дверью, а Леонов продолжал наблюдать за происходящим через стекло.

– Это просили передать вам, – протянул женщине цветы медик.

– Мне? От кого?.. – на миг растерялась она при виде роскошного букета. Но быстро что-то сообразив, показала на стоящую на подоконнике вазу. – Сюда поставьте, пожалуйста.

Полюбовавшись цветами, она вернулась к исполнению обязанностей. Однако теперь на строгом лице блуждала едва заметная улыбка.

– Ну что ж, товарищ подполковник, пока у меня к вам претензий нет, – подытожила она. – Отдохните пару минут и приступим к следующему упражнению с удвоенной нагрузкой. А заодно померяем давление...

Довольно потирая руки, Алексей на цыпочках пошел к лестнице.

* * *

В один из последних выходных осени погода выдалась замечательной: днем солнце разогрело воздух до плюсовой температуры, ветер стих.

Космонавты решили воспользоваться этим и отправились на пикник. В красивое местечко неподалеку от Звездного городка многие пришли с семьями.

Атмосфера царила праздничная. Дети играли на лужайке в бадминтон и с визгом бегали друг за другом. Женщины колдовали над «столом» – расстелив покрывала, выкладывали прихваченные напитки и закуску. Мужчины чуть поодаль установили мангал, собрали по округе сухих дровишек и принялись жарить шашлык; здесь же в разожженном костерке запекали картошку.

Когда все было готово, а походные стаканчики наполнены, кто-то из космонавтов произнес первый тост:

– Ну что ж, за присутствующих дам!

– Ура! – подхватили остальные мужчины.

Подняв свой стаканчик, Хрунов пошутил:

– А вообще, как правильно говорить, если дама побывала в космосе – космонавт или космонавтка?

– Женя, сказали уже: за дам, а не за космонавтш, – засмеялась сидящая напротив молодая женщина. – Или ты Валентину как женщину уже не воспринимаешь?..

Усаживаясь за «стол», Леонов выбрал местечко рядом с Беляевым. После второго тоста он негромко поинтересовался:

– Как прошла медкомиссия?

Обида у товарища поутихла, но большой охоты говорить на данную тему не было. Выпив и поставив пустой стаканчик, он решил покурить – встав, отошел к ближайшему дереву, достал из кармана пачку сигарет.

– Что говорят врачи? – последовал за ним Алексей.

– Не пропустили, – щелкнул тот зажигалкой. – Вот такое, Леша, решение.

– Так, секундочку. Что значит – «решение»? А чем они мотивируют и что конкретно говорят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.